Подвиг мучеников — живой опыт Церкви

Доклад митрополита Волоколамского Илариона на первом пленарном заседании международной ***конференции «Научно-богословское осмысление мученичества, исповедничества и массовых репрессий»****.*

Если мир вас ненавидит, знайте,
что Меня прежде вас возненавидел (Ин. 15. 18)

Эти слова Господа и Спасителя нашего сказаны всем христианам, которые жили, живут и будут жить до скончания века. История Церкви в то же время доказывает нам, что ненависть, о которой говорит Христос, особо умножалась и перерастала в гонения не всегда и не во всякой стране. Я коснусь как истории, так и современных вопросов, связанных с феноменом мученичества за Христа и веру в Него. Надеюсь, что это позволит нам вместе обозначить проблематику нынешней конференции.

Гонения были почти повсеместными на заре христианства – в Древней Церкви. Языческому миру, привыкшему руководствоваться материальными категориями, было очень трудно принять учение Христа, пропустив его через душу и примирив с особенностями культуры, менталитета, воспитания того времени. Как можно, например, любить и прощать своего врага? Для древнего человека, особенно воина — мысль недопустимая. Страны и народы находились в постоянной войне: и с внешними врагами, и внутри государства — тем более такого колоссального, каким была Римская империя. Как можно бесконечно прощать? Ведь есть суд с хорошо разработанным римским правом. Идеи Божественного Учителя приводили многих в недоумение, а оно очень часто перерастало в ненависть, злобу к тем, кто сумел вместить Новый завет. Таких первоначально было меньшинство, и многие из них становились мучениками, гонимыми.

В большинстве европейских языков слово «мученик» звучит как martyr (от μάρτυς, свидетель). Этимологическое пересечение слов «мученик» и «свидетель» представляется весьма символичным. Перенесший страдания, но не просто так, по стечению жизненных обстоятельств, а за истинную веру, за веру во Христа, чаще всего с именем Спасителя на устах или с молитвой к Нему, поистине является свидетелем. Свидетелем чего?

Во-первых, своей веры, которая подкрепляется не только исповеданием на словах, не только каким-то рядовым, обыденным действием, но и готовностью отдать за эту веру самое ценное – жизнь.

Во-вторых, доказательством правоты слов Спасителя о том, что Церковь не могут одолеть врата ада (ср. Мф. 16. 18).

В-третьих, земным доказательством представления о жизни бесконечной: имена древних мучеников составили первые мартиро́логи, и верующие Древней Церкви не забывали своих страдальцев, хотя возможности фиксации их подвига были весьма ограниченными. Облавы со стороны гонителей, необходимость соблюдать строгую конфиденциальность – все это было приметой жизни древних мучеников, с которыми наша Русская Церковь столкнется в XX веке.

Парадоксально для языческого миропонимания: борьба с христианами древней Церкви приводила не к уничтожению последователей Спасителя, а к их увеличению. При этом, конечно, шло сопротивление и со стороны христиан, но его методом было слово, убеждение и духовная жизнь. «Не мечами и стрелами, не посредством военных отрядов, а убеждением и советом возвышается истина», — писал святитель Афанасий Александрийский (История ариан. Гл. 33). Так происходило и во всей последующей истории христианства.

Когда где-то происходили от имени Церкви злодеяния, их осуществление не принадлежало Церкви и не исходило от Церкви. Я не говорю о событиях на средневековом Западе, о кострах инквизиции. Давайте вспомним страшную эпоху царя Ивана Грозного. Он как коронованный христианский царь использовал церковную, христианскую символику и риторику. И случилось так, что злодеяния его времени совершались далеко не всегда под покровом метлы и собачей головы, а именно под сенью священного для каждого православного знака Креста Господня. Многие люди были подвергнуты тогда страшным мучениям, оставаясь верными Христу и Церкви.

Таковым был святитель Филипп, митрополит Московский, священномученик эпохи Иоанна Грозного. Внешне причины его мучений были отличными от мучения христиан древний Церкви. На него восстал правитель, называвший себя христианским. Однако на деле это была та же ненависть, о которой предупреждал своих последователей и учеников Спаситель. С этой ненавистью и злобой восстал на святителя царь за ту правду, о которой свидетельствовал мученик Церкви.

Эпоха царя-мучителя кардинальным образом отличается от более раннего времени нашей истории, когда, напротив, правители становились мучениками. И действительно, в нашей стране заимствованная из Византии вместе с самим православным христианством модель взаимодействия Церкви и государства получила особый извод. Наверное, мало где на ранних этапах христианской истории нации, государства, культуры происходило столь глубокое внедрение христианских идей в суть управления государством.

И речь не только о кардинально преобразившемся после крещения великом князе Владимире, сумевшим изменить свой собственный нравственный облик и строй управления страной, систему социального устройства и распределения материальных богатств в ней. Достаточно вспомнить кротких князей-мучеников Бориса и Глеба, или же погибших в Орде, отказавшихся отступиться от христианской веры великого князя Михаила Ярославича Тверского, великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина его Феодора.

Что же произошло? Почему мы видим такую кардинальную разницу между благоверными правителями и гонителями истины Христовой? Конечно, налицо оскудение любви и верности Христу. Их так не хватало людям в эпоху перед Смутным временем. И если оскудение любви в христианских государствах приводит к кровавым трагедиям, как это произошло в России в эпоху грозного царя и позднее, в эпоху новомучеников, то на Западе образуется угроза христианству иного рода.

В новое время свобода начинает пониматься мыслителями, а вслед за ними и широким кругом людей, совсем по-другому, не так, как она понимается в христианском учении. Это уже не свобода нравственного выбора, с идеалом, заключающимся в соблюдении четких и недвусмысленных нравственных норм, следование которым неоднократно приводило в истории и к появлению мучеников. Это ложно понимаемая свобода — вседозволенность, которая и в наши дни является большой угрозой христианству. Она не приводит, по крайней мере, пока не приводит, к мученичеству. Это, можно сказать, мягкое насилие над нравственностью пока не заставляет верных Христу отдавать свою жизнь за Него явным образом. Но кто знает, какие порядки через несколько десятилетий установят дети, которые теперь растут в однополых семьях и сознание которых формируется под воздействием весьма своеобразной этики? У нас, видимо, нет ответа на этот вопрос, но чтобы избежать трагедий в будущем, нам надо уже сегодня твердо отстаивать христианские представления о нормах семьи.

Следует сказать и о том, что в течение многих столетий сохраняется угроза христианству и с Востока. Радикальные исламисты являются сегодня реальной угрозой для христианства. Даже в нашей стране этой угрозе сегодня подвергаются тысячи сограждан, многие честные, верующие православные христиане, да и не только христиане. На этой неделе произошел страшный взрыв в волгоградском автобусе, унесший несколько человеческих жизней и подвергший угрозе еще десятки жизней. Террористка-смертница, зараженная античеловеческими идеями, не только отдала свою жизнь за эти идеи, но и стремилась унести с собой жизни как можно большего числа ни в чем не повинных людей. Парадоксально, что арабское слово «шахид» означает то же, что и греческое «мартис» - свидетель. Но о чем свидетельствуют люди, подобные волгоградской террористке? О полном искажении религиозного сознания, об извращенной религиозности, не имеющей ничего общего с истинной религиозностью. Через человеческие черты террористок-

смертниц, прикрытые хиджабом, проступает не лик Божий, а звериный оскал диавола.

В этом нас убеждают и события, происходящее ныне на Ближнем и Среднем Востоке. В последние годы там случилось нечто страшное и имеющее не так много аналогов в мировой истории. После иракской войны из христиан Ирака осталось жить в этой стране около одной десятой от прежнего количества. Многие мученически погибли, иные были изгнаны из своих домов, лишившись крова и имущества.

Трагические события, сопряженные в том числе с мучениями во имя Христа, происходят ныне в Сирии, где боевики преднамеренно расстреливают беременных женщин, детей на глазах матерей, уничтожают и похищают христиан.

Можно ли остановить злобу силой оружия, авиационных налетов или распыления химических отравляющих веществ? Живой опыт христианской Церкви подсказывает, что это невозможно. Только силой Слова Божия, только стойкостью в истинной вере останавливается злоба. Это мы видим на примере христиан Римской империи, которые вынудили цезарей легализовать христианство принятием ровно 1700 лет назад Миланского эдикта, и на примере нашего Отечества, пострадавшего от попытки силой провести в жизнь ложное и заведомо неосуществимое — уравнять всех, достичь небывалого размаха материального производства при полном пренебрежении к духовной жизни.

В нашей стране, в нашу эпоху, казалось бы, внешне спокойную, нам также предстоит утверждать Слово Божие, основываясь на живом опыте Церкви. Вот почему следует вновь и вновь говорить о подвиге новомучеников внешнему миру, в то же время продолжая научно-богословскую рефлексию этого подвига внутри Церкви.

Важно отмечать неординарность, исключительность подвига новомучеников. Хотя всякая святость восходит к одному источнику – Спасителю, но, как мы видим на приведенных исторических примерах, в разные времена эту святость мы встречаем в различных формах и проявлениях.

К сожалению, пока у нас не накоплено достаточно богословского, идейного материала, который бы во всей полноте раскрывал подвиг новомучеников, показывал его уникальность. И совершенно ясно, что в деле прославления новомучеников мы находимся в начале пути. Полагаю, утверждать это можно сегодня, невзирая на то, что количество новопрославленных святых нашей Церкви беспрецедентно и не имеет аналогов в истории. Но количество жертв из среды верных чад Церкви эпохи новейших гонений в десятки и сотни раз превышает количество поименно канонизированных новомучеников. Даже далеко не полные базы данных – современные списки мучеников, например база данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного

университета – включают десятки тысяч имен, а пострадали сотни тысяч, миллионы.

В связи с этим следует сказать, что полная картина мученичества во имя Христово отличается от того частичного, которое явным образом уже засвидетельствовано Церковью. Не все предначертания Божии становятся сразу известными нам. Мартирологи, записанные в книгу небесную, отличаются от наших земных мартирологов.

Новейшая эпоха мировых войн, индустриальное и постиндустриальное время явило множество таких жертв, которые не имели, в отличие от древних мучеников выбора: отступить от Бога или нет. Такова семья последнего российского императора, которому никто из гонителей не предлагал отречься от Христа, но именно в безальтернативности страдания за Него наша Церковь увидела подвиг, достойный прославления. Таковы же сотни известных и безымянных жертв массовых репрессий как в нашей стране, так и в других странах мира. Конечно, не все пострадавшие от человеконенавистнических идеологий являются мучениками. Трудно назвать безвинным страдальцем и подвижником того, кто незадолго до того, как попасть в репрессивный молох, сам был гонителем и не раскаялся до последнего дня в своих деяниях, будучи уверенным в правоте содеянного.

Все сказанное подводит к вопросу о критериях канонизации святых мучеников и исповедников. Не слишком ли ограничивают нас в почитании новомучеников ранее сформулированные критерии? Не слишком ли узко и категорично мы подходим к оценке деяний людей, находившихся в жесточайших условиях тоталитарного террора?

За время массовых канонизаций в нашей Церкви, с 1989 года, а в особенности – с 2000 года, причислено к лику святых более тысячи новомучеников и исповедников. Епархиальные комиссии по канонизации подготовили за эти годы еще гораздо больше материалов к канонизациям. Но кажется, что еще предстоит научиться смотреть на вопрос о прославлении святых с широких богословских позиций, с точки зрения особенностей исторической эпохи, а также и с точки зрения соборной интуиции Церкви.

Древние мученики нередко проходили «крещение кровью», почему иной раз в святцах можно увидеть имена тех, кто значительную часть жизни был гонителем христиан. Характерно, что прославление мучеников в Древней Церкви вообще не знало такой формализованной процедуры, как современная канонизация. Кстати, и само понятие канонизации пришло в наш богословский язык только в XIX веке из обихода Католической церкви. Оно стало использоваться как синоним того, что на языке святых отцов именовалось «причислением к лику святых». И хотя это слово удачно подходит к современной сложившейся церковной практике, оно вряд ли было бы применимо к практике Древней Церкви, поскольку мучеников объявляла святыми сама

богослужебная практика, без всяких формальностей. Скорее заботились о том, чтобы сохранить память о совершенном ими подвиге веры, чем дотошно проверяли их предшествовавшую жизнь. Такая практика, конечно, была связана с публичным характером судебных процессов над христианами в Римской империи с тем, что их казнили открыто, и их братья по вере обычно становились непосредственными свидетелями их последнего «агона», их единоборства с «духом злобы», их подвига. Эта практика отражала и чистоту раннего христианства, когда последователи Спасителя, даже имевшие преемственную благодать апостольского рукоположения, не дерзали вершить земной суд над страдальцами за Христа. Они не выносили суждений об их жизни, но помнили об их подвиге, совершенном во имя Господне в их последний час.

Позднее, в средние века, сложилась сложная система прославления святых, предполагавшая тщательное изучение жизни святого подвижника, выдвигавшая четыре обязательных критерия. Безукоризненная вера, народное почитание, чудотворение и даже наличие нетленных мощей – вот что стало требоваться для того, чтобы подвижника благочестия признать святым. Очевидно, что три последних критерия не соблюдаются в отношении многих прославленных новомучеников и исповедников Церкви Русской. Многие новые святые не почитаются широко народом, многие не явили зафиксированных людьми и соборным разумом Церкви чудес, мы не имеем и мощей большинства канонизированных новомучеников. Неужели это означает, что необходимо отказаться от дальнейших канонизаций? Конечно же нет.

Но более того, сформулированы еще более жесткие принципы. Например, представленный к канонизации не должен был ни в чем сознаться: ни подтвердить свою «вину» (например, в контрреволюции), ни рассказать о «вине» других. По этим критериям у нас, например, не канонизированы некоторые исповедники веры. У нас нет, казалось бы, оснований сомневаться в том, что они страдали за Христа, однако их прославление не происходит.

В связи с этим встает вопрос: насколько мы можем доверять документам, подписей под которыми добивались от людей нашей Церкви под пытками, в полуобморочном состоянии, либо просто кто-то другой ставил за них подпись? Полагаю, что этот вопрос – о критериях канонизаций в таких сложных случаях – требуют подлинного соборного обсуждения, с привлечением широкого экспертного сообщества, которое имеется сейчас и внутри нашей Церкви. Это наши ученые богословы, церковные историки и канонисты.

Следует сказать, что и древняя практика неприменима в полной мере в реалиях современности. Новые гонения не только превзошли своими масштабами преследования христиан в античном мире. Были выработаны самые изощренные методы расправ, обмана и фальсификаций. В отличие от римских палачей, специалисты с Лубянки, такие, например, как Тучков, прекрасно знали учение и практику Церкви. И с самого начала гонений одной из своих задач репрессивные органы

ставили недопущение прославления новых святых. Подлинные судьбы исповедников веры были неизвестны их современникам. Их допросы проходили в застенках. Материалы следствия часто фальсифицировались. Суд – если это вообще можно назвать судом – происходил за закрытыми дверьми. Их казни совершались тайно. Тела уничтожались или сбрасывались в братские могилы, подобные рвам Бутовского полигона, Левашовской пустоши, урочища Сандармох.

Скрывая подлинные мотивы своей репрессивной политики, гонители выносили приговоры духовенству по политическим статьям, обвиняя своих жертв в «контрреволюционной деятельности». В разгар массовых репрессий 1937-1938 годов уже никого вроде бы не принуждали отречься от веры в Бога. Внешне это очень не похоже на судьбы мучеников Древней Церкви. Однако только на первый взгляд. Мы понимаем, что люди Церкви, особенно священнослужители, к 1937 году не снявшие своего креста, часто уже прошедшие через аресты, тюрьмы и лагеря, знали, что их ждет впереди. Арест и казнь только завершали их ежедневный исповеднический подвиг. Именно поэтому недостаточно свидетельства следственных дел мучеников. Нужны устные свидетельства, которых собрано за последние четверть века немало, но нужны и иные документы эпохи. Многие из них до сих пор засекречены. Только полное открытие архивов эпохи гонений позволит нам снять имеющиеся многочисленные вопросы о том, возможна или нет канонизации того или иного человека, пострадавшего в эпоху гонений.

Очевидно, что прославление сонма новомучеников Церкви Русской — это сложный процесс, который требует нового осмысления всего опыта Церкви Христовой. Это касается и самого процесса канонизации, критерии которого пока еще окончательно не становились, по сути, предметом научно-богословского анализа и, уверен, будут видоизменяться. Поэтому не всегда понятны для людей Церкви те или иные решения, связанные с канонизацией.

Когда критерии неочевидны, возникает масса недоразумений, но самое главное, отсутствие четкого понимания мешает дальнейшему прославлению подвига новомучеников. Появление имени нового святого в церковном календаре — это начало, но никак не завершение прославления. Необходимо, чтобы новомученики заняли в жизни современной Церкви такое же место, какое мученики Древней Церкви занимали в жизни раннехристианской общины. Для этого нужно использовать все формы церковной культуры и современную агиографию, и литургическое почитание, и кино, и музейную деятельность. Важно собирать и сохранять устную историю и мемуары о самих подвижниках и об их эпохе. Нужно публиковать архивные документы, поскольку без этих современных «мученических актов», пусть даже задевающих чьи-то интересы, мы не сможем показать молодежи, приходящей в Церковь, страшный контекст подвига новомучеников.

На последнем Архиерейском Соборе было принято решение о том, чтобы отказаться от повсеместного именования новомучеников только по именам в святцах. Их фамилии также

освящены их подвигом. Многие современные иконописцы наносят на икону и фамилии новомучеников. Всё это, вкупе с новыми исследованиями биографий новомучеников, публикацией документов об их жизни и страданиях, позволяет перейти к подлинному увековечению их памяти. О необходимости такого увековечения говорит нам высшая церковная власть. Так, об этом сказано в решениях Архиерейского Собора 2011 г. Не случайно и создание Церковно-общественного совета по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской. Эти приоритеты, четко обозначенные Собором и Святейшим Патриархом Кириллом, заставляют задуматься о пока еще очень слабом влиянии в нашем обществе церковного голоса, рассказывающего о подвиге мучеников.

Если бы этот голос звучал в полную силу и был услышан, едва ли с телеканалов, с официальных трибун и средств массовой информации вновь и вновь звучали бы прославления палачей и организаторов гонений на Церковь и народ Божий.

Призывающие ныне к почитанию Ленина, Сталина, инициаторы реставрации памятника Дзержинскому попирают тем самым безвестные могилы новомучеников, исповедников Церкви Русской и сотен тысяч невинно убиенных сограждан нашей страны.

На реставрацию памятника Дзержинскому выделено 25 миллионов рублей, а в то же время у нас нет памятников великим святителям – мученикам и исповедникам XX века – святому Патриарху Московскому и всея России Тихону, святителям Кириллу Казанскому, Петру Крутицкому, Агафангелу Ярославскому. Почему я говорю именно про памятники, а не про церковное увековечение?

Дело в том, что упомянутые мною святители, десятки других святителей Божиих, тысячи пастырей и миллионы верных Церкви, пострадавших во имя Христово в эпоху гонений, заслуживают не только того, чтобы им посвящались храмы, составлялись службы, писались иконы – а это уже происходит повсеместно, в этом направлении нашей Церковью ведется огромная работа.

Но не следует забывать о том, что их память достойна и гражданского почитания. Если бы в нашей истории не было Ленина, Дзержинского и подобных им злодеев, население нашей страны сейчас было бы в два или три раза больше и не имело бы духовных травм, нанесенных тогда и сказывающихся по сей день. А вот если бы у нас не было святителя Тихона, святителя Петра, святителя Кирилла, святителя Агафангела, их сослуживцев и сотрудников, многих других страдальцев за веру, наконец — Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского), я не уверен, что вообще сейчас существовала бы такая страна, как Россия.

Ни на какой мощи танков, ни на строгости колхозных и заводских порядков, ни на маузерах

сотрудников НКВД – не удержалась бы страна, если бы в ее народе, пусть даже подспудно, не жила та вера, которая нашей Русской Церковью была в нем утверждена и поддерживалась даже в самое лютое время безбожия! Не было бы сегодня России, не было бы сегодня нас.

Поэтому уверен, что нашему обществу нужно определиться со своими приоритетами и наложить табу на прославление злодеев и в то же время – на сокрытие и оправдание их преступлений. Окончательно пришло время называть всё совершенное в годы лихолетья своими именами, тем более что непосредственных свидетелей тех событий в живых остаётся все меньше.

С этой точки зрения нам важно сохранить как места памяти – места захоронений жертв массовых политических репрессий. Некоторые из них сейчас Русская Церковь уже взяла под свое покровительство, на одном из таких мест – Бутовском полигоне под Москвой – уже создан церковно-общественный мемориал. Необходимо, чтобы в таких местах бывала молодежь, чтобы мы все нашли для себя новую точку отсчета в подвиге новомучеников, там пострадавших.

Непонятно, что мешает уже сейчас не только новые храмы, но и проспекты, улицы, парки называть в честь новомучеников – этих добрых, честных, скромных и достойных людей. В наших руках сегодня сделать так, чтобы их подвиг действительно стал живым опытом, опытом не только Церкви, но и нашего Отечества.

Церковь выработала иконографию, но почему их подвиг так мало отражается в гражданской живописи, в кинематографе? Сколько средств вкладывается в создание однотипных мелодраматических сериалов. И почти не отражен в фильмографии опыт новомучеников.

Новомученики не так притягательны для современного общества как звезды и модные кумиры, или как герои-борцы коммунистической эпохи для того времени. Мученики вообще отличаются от героев: они готовы отдать свою жизнь за свою веру, а не отнять чужие жизни.

Культ мученика – это не культ силы, это поклонение любви и чистоте убеждения, так же, как христианство – это торжество Божественной любви.

Уверен, что говоря о мучениках, мы утверждаем христианство. Поэтому и ныне собравшаяся конференция – не только по месту своего проведения, организаторам, участникам – церковная конференция, но, прежде всего – по содержанию тем, которые будут на ней раскрыты.

Я хотел бы пожелать всем участникам форума, собравшимся в этом зале, плодотворных трудов.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52114/